

В. Адарюков

Мастера современной гравюры и графики
Сборник материалов

Москва
«Книга по Требованию»

В11 **В. Адарюков**
Мастера современной гравюры и графики: Сборник материалов / В. Адарюков – М.: Книга по Требованию, 2023. – 432 с.

ISBN 978-5-458-26556-0

Книжная иллюстрация начала XX века давно уже стала одним из важнейших предметов коллекционирования. Настоящее издание посвящено именно этой интересной теме. Сборник статей известных российских и советских искусствоведов, среди которых такие крупнейшие специалисты, как Владимир Яковлевич Адарюков и Алексей Алексеевич Сидоров, посвящен творчеству выдающихся российских художников-графиков: А.П.Остроумовой-Лебедевой, М.В.Добужинского, С.В.Чехонина, Г.И.Нарбута, Д.Н.Кардовского, Д.И.Митрохина, Ю.А.Анненкова, И.Н.Павлова, И.И.Нивинского, В.А.Фаворского, А.И.Кравченко, В.А.Ватагина и других. Настоящий сборник является одним из важнейших источников информации о развитии книжной гравюры и иллюстрации в первой четверти XX века. Статьи, представленные в нем, в течение семи лет были опубликованы в журнале «Печать и революция». Именно в начале XX века и, особенно в период после Октябрьской революции, в России появилась целая плеяда блестящих мастеров-граверов. 1920-е годы стали периодом расцвета книжной гравюры. Статьи не только предлагают богатый фактический и исследовательский материал о творчестве отдельных выдающихся граверов. В редакционной статье сделана попытка обобщения и выделения общих тенденций в графическом творчестве той интересной эпохи. Лучшие иллюстрации, которые создавали русские художники-графики для разных изданий, зачастую теперь ставших редкостью, собраны в настоящем сборнике воедино. Представлена деятельность Ленинградской и Московской «школ» книжной гравюры. Сборник богато иллюстрирован в тексте репродукциями выдающихся работ художников, которым посвящены статьи. На семи отдельных листах иллюстрации выполнены в технике цветной линогравюры. В издании опубликована богатая библиография по книжной гравюре и графике начала XX века.

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Настоящая книга представляет собой собрание статей, написанных разными авторами в продолжение последних семи лет и помещенных в журнале „Печать и революция“. Статьи, поэтому, разноценны, как разноценны „мастера“, которым они посвящены. Это необходимо подчеркнуть с первых же строк, чтобы читатель знал: пред ним не история гравюры и графики, но лишь „материалы“ для истории.

Искусство гравюры и графики именно в революционные, октябрьские годы выдвинуло у нас плеяду блестящих мастеров. Это дает основание говорить о расцвете графических искусств в нашей стране. Случаен он, или не случаен? И в какой мере справедливы такие утверждения любителей графического искусства? Попыткой подготовить материал для разрешения этих вопросов и является настоящая книга. Она не может похвастать исчерпывающей полнотой: наше искусство гравюры и графики имеет так много выдающихся представителей, что даже внушительный по объему сборник, подобный настоящему, не смог включить в свои страницы все то значительное, что заслуживает внимания. Некоторые мастера остались неизученными; другим, имеющим право на самостоятельное монографическое исследование, посвящены лишь немногие страницы в „обзорах“ Федорова-Давыдова и А. А. Сидорова. Можно, разумеется, оспорить относительное место, которое уделено в книге тем или иным мастерам. Более серьезное возражение можно сделать по поводу отсутствия в книге существенного признака, который определял бы то или иное „графическое“ направление. Суммарные обозначения: „московская“ или „петербургская“ школы, принятые Федоровым-Давыдовым и А. А. Сидоровым, именно „суммарны“, общи и не руководствуются

никаким существенным принципом, которым можно было бы определить характерные черты этих школ. Что, например, общего между „москвичом“ И. Н. Павловым и москвичом же В. Фаворским? Д. Штернбергом и В. Фалилеевым? Очевидно — пред нами представители разных графических „школ“, если принимать понятие „школа“ как направление, объединенное общими принципами мастерства, а не местом жительства. Редакция таким образом отдает себе отчет в упреках, какие могли бы быть сделаны сборнику настоящих статей. Но повторяем: задача настоящего сборника ограничивается попыткой собрать „материал“ для будущего историка графического искусства. Книга эта, далее, должна сыграть свою полезную роль не только как итог развития графических искусств, но и в качестве популяризатора их. К искусствам, так великолепно расцветающим в нашей стране, необходимо привлечь общественное внимание. Они вправе требовать такого внимания — не только в своих собственных интересах, но в интересах культурного развития нашего Союза республик. В поощрении и развитии графических искусств заинтересованы не одни мастера гравюры и графики, как производственники, но все наше общество, как потребитель произведений искусства. Речь идет об одной из крупнейших задач, поставленных эпохой культурной революции: о „демократизации“ искусства, о приобщении широких трудовых масс к подлинному художественному творчеству, о распространении художественной культуры. В выполнении этой задачи выдающуюся роль должны будут сыграть именно графические искусства. Надо дать широким массам не „приблизительное“ искусство, не подделку под него, и не „дешевое“ издание „для бедных“, но искусство настоящее, подлинное, первосортное. Надо это „высокое“ искусство свести с горных высот ближе к земле. Искусство не должно быть уделом одних только столиц и крупных центров. Оно обязано проникнуть в глухие углы — в деревенскую читалку, в рабочий клуб, в рабочее жилище, в крестьянскую избу. Другими словами, каждодневный быт масс должен соприкоснуться с художественной культурой — такова одна из частных задач культурной революции. В капиталистическом обществе художественная культура была достоянием узких кругов, в обществе нашем она должна сделаться достоянием всех. И это не „общие“ слова, не „прекрасные посулы“, а практическая задача дня, к которой следует отнестись всерьез. Оттого-то мы говорим: нигде в мире не раскрываются перед искусством, перед художественной культурой такие

необъятные горизонты, как в нашей стране. Но не противоречат ли этому утверждению те конкретные, далеко не удовлетворительные условия, в которых находится искусство в наши дни в Советском Союзе?

II

Мы умеем смотреть правде в глаза. Да, положение искусства сейчас далеко не таково, каким мы его желали бы видеть. Но чего вы хотите от страны, которая всего лишь шесть лет как приступила к восстановлению своего разрушенного хозяйства, приступила без денежных средств, охваченная фактической финансовой блокадой, без какой бы то ни было помощи извне, исключительно силами своего собственного, израненного хозяйственного организма? Шесть лет — какой ничтожный срок! А разве мало сделано за это время? Революция разрушила буржуазный культурный слой, питавший искусство. Но она же создает новый культурный слой, который будет его питать, который уже „питает“ его, правда, в степени, еще недостаточной. Художественная культура еще не стала предметом „первой необходимости“ в республиках нашего Союза. Национальные меньшинства только-только вовлекаются в культурную революцию. Грамотность в нашей стране еще не сделалась всеобщей, хозяйственное благосостояние недостаточно велико, чтобы в бюджете рабочего и крестьянина были расходы на „искусство“. Но ведь благосостояние масс растет, а вместе с ними растут потребности. И наступит время — оно не за горами — когда в нашей стране появится такой массовый „спрос“, у нас объявится такой огромный „рынок“ для предметов искусства и культуры, какой не снился даже мечтателям и какой немислимо себе представить в капиталистическом государстве. Мы не будем иметь „меценатов“, индивидуальных потребителей искусства, но зато будем иметь потребителей в лице государственных и общественных организаций, профсоюзов, клубов, различных объединений. Дайте срок — человечество увидит, какие превосходные перспективы художественному творчеству открывает наша страна, где господствует не буржуазное меньшинство, а трудящееся большинство.

Но этот расцвет — в проекции. А практическая задача, стоящая сегодня?

Она заключается в том, чтобы поднимать культурно-художественный уровень масс, развивать их вкус, обогащать их знания, прививать

культурные привычки, вызывать их самостоятельное художественное творчество.

При осуществлении этой задачи искусство гравюры и графики призвано сыграть несравненную роль. Именно потому, что среди других высоких искусств гравюра и графика ближе других способны подойти к малоквалифицированному, отсталому культурно человеку и сказать ему все, что они призваны сказать с помощью художественных средств.

III

Демократизация искусства — процесс сложный. Венец его — в развертывании художественного творчества самих масс. Пути же демократизации многообразны. Необходимо в первую очередь приблизить искусство к народным массам, облегчить им доступ к произведениям искусства, уничтожить его недоступность. Это значит — открыть музеи, галереи и прочие хранилища для всеобщего обозрения, принимая в то же время необходимые меры для уничтожения условий, которые препятствуют массам, во-первых — пользоваться открывающимися возможностями и, во-вторых — мешают им правильно понимать искусство. К мерам второго порядка относятся создание благоприятных материальных и иных условий для занятий искусством, подъем общего и художественного образования, распространение художественных знаний.

Но все эти меры, вместе взятые, не смогут преодолеть одной особенности, которая будет препятствовать произведениям искусства быть всенародно доступными: уникальности. Как бы ни были благоприятны условия для художественного образования народных масс в Советском Союзе, как бы ни были доступны наши музеи и галереи, жителям нашей страны останутся недоступными произведения, хранящиеся в Лувре, в Мюнхене, в Вене, в Дрездене, в американских музеях. Величайшие произведения искусства существуют в единственных экземплярах. Имеется лишь один подлинник, доступный меньшинству человечества, и никакая „демократизация“ искусства не сумеет преодолеть этой черты, создающей непреодолимые трудности для его „всенародности“. Можно, разумеется, создать множество копий и рассеять их по свету. Но это будут копии, и самая усовершенствованная репродукция произведений живописи не может заменить подлинника. Это свойство изобразительных искусств и ставит препятствия их „демократизации“.

Но развитие художественной культуры требует, чтобы зрению масс были предоставлены все же образцы подлинного искусства. Для развития художественного вкуса масс необходимо, чтобы они часто и без затруднений могли соприкасаться с произведениями искусства, не испорченными механическим воспроизведением. Одними посещениями музеев, очень малочисленных в нашей стране, и не более доступных иному гражданину нашего Союза, чем парижский Лувр, художественной культуры не поднимешь, не воспитаешь массового вкуса. Музейные произведения неподвижны — надо найти подвижные произведения искусства, которые могли бы идти к массам сами, которые вошли бы в житейский обиход массового зрителя, сделались бы спутником его быта, украсили этот быт, придали бы ему художественный элемент, играли бы воспитывающую, культурническую роль в тех самых местах, где массы ведут борьбу за существование и за культуру. В поисках такого поистине демократического искусства мы и наталкиваемся на гравюру. Из всех искусств — искусство гравюры наиболее демократично, т. е. способно, не теряя своих достоинств подлинного и высокого мастерства, быть максимально подвижным и, поддаваясь механическому воспроизведению, преодолевать те препятствия, которые ставит распространению искусства пространство.

Здесь необходимо внести некоторую ясность. Коллекционеры утверждают, что и гравюра — уникальна. Коллекционеры и ценители гравюры собирают обычно первые, „авторские“ оттиски, считая именно эти ручные, первые эстампы подлинниками, заслуживающими высоких оценок, и т. п. Но нетрудно видеть, что именно момент коллекционирования, элемент соперничества, заставляет „любителей“ ценить эти „первые“ оттиски. Нельзя, разумеется, спорить, что эстамп, отпечатанный автором на ручном станке, под внимательным и любовным наблюдением, может достичь таких эффектов, которых трудно получить при машинном печатании. Но эти тонкости не уничтожают того факта, что гравюра, выполненная художником на металле, дереве или линолеуме, при тщательном механическом воспроизведении, под наблюдением хорошего специалиста теряет чрезвычайно мало по сравнению с подлинником. Ни одно из произведений искусств не поддается воспроизведению с такой художественной точностью, как гравюра. При современных способах печатания, при полной возможности с помощью гальванопластики воспроизводить авторский оригинал, при новейших печатных машинах можно художественное воспроизведение гравиро-

---

ванных произведений делать с такой изумительной точностью и силой, что только тончайшие знатоки смогут, да и то с помощью вооруженного глаза, открыть какие-нибудь различия между оттисками первыми и последними. Автор этих строк имел случай видеть на Всемирной выставке в Париже в 1925 г. образцы механически воспроизведенных гравюр, однотоновых и цветных, а также офортов и литографий, которые были совершенно неотличимы от первого „авторского“ оттиска. Новейшие художественные издания Европы говорят о таком прогрессе техники именно в области воспроизведения гравированных оригиналов, что только заядлое и психопатическое коллекционерство может настаивать на „уникальности“ искусства гравюры. Это и дает нам основание утверждать, что даже при современной репродукционной технике художественная гравюра является самым могущественным, единственным из высоких искусств, которое обладает наибольшими качествами демократизма. Гравюра — поистине демократическое искусство, доступное всем, подвижное, не застывающее в музейных залах, но способное распространять свое влияние безгранично. Оно преодолевает пространства, разрушает ограниченность музейных хранилищ, не пассивно, но активно, не ждет зрителя, но ищет его, идет к нему навстречу, привлекает, берет его в плен. Договоримся, что гравюрой мы будем называть изображения, вырезанные рукой мастера на металле, дереве, линолеуме, или ином материале. Офорт, нанесенный на металлическую доску сухой иглой или с помощью кислот, является особым видом гравюры. Отличительные особенности гравюры, как искусства, могут быть применены и к офорту. То же самое, хотя и с некоторыми оговорками, можно сказать о литографии: рисунок, выполненный на камне самим мастером или воспроизводящий, с помощью литографских чернил, переведенный литографом рисунок художника, по своим свойствам чрезвычайно близко подходит к гравюре. И, наконец, книжная иллюстрация, обложка, рисунок пером, карандашом, — словом, все то, что украшает и заполняет сейчас, сверх шрифта, книгу, не являясь искусством гравюры в точном смысле, также близко подходит к гравюре. Но различия здесь уже столь существенны, что этот вид изображений обозначается суммарным термином графика. Гравюра и графика — родные сестры, из которых гравюра, в этом никто не сомневается, более благородного происхождения. Механические способы размножения графических произведений, фототипия, автотипия и др., даже в лучших своих образцах, ух-

---

дят иногда очень далеко от оригинала художника. Только некоторые графические произведения, сделанные техникой, близкой к гравюре, поддаются точному воспроизведению. И лишь гравюра, при условии точной и художественной печати, сохраняет в максимальной степени свои художественные достоинства. Это не мешает, разумеется, графике, наряду с гравюрой, быть огромным художественно-просветительным средством.

Гравюра и графика, одна в большей, другая в меньшей степени являются могущественными орудиями распространения художественной культуры. С помощью гравюры и графики, от уличного плаката до книжной иллюстрации, можно воспитывать вкус массового зрителя, прививать ему умение „видеть“ произведения искусства, развивать художественные потенции, дремлющие в рабочем и крестьянине, украсить их жилище, вдохнуть им любовь к искусству, заинтересовать их, поднимая массовую художественную культуру, тем самым привлекая массы к активному участию в развитии искусства. Искусство в массы — это ведь и значит ввести искусство в обиход каждодневной жизни, сделать его неустрашимым спутником быта. Лозунг, не так давно бывший модным — искусство в производство — лозунг чрезвычайно ценный и своевременный — является лишь частью дела. Не только в производство; но чтобы оно пропитало воздух, которым мы дышим. Есть еще огромные области воздействия на сознание масс, куда настоящее искусство и не пыталось проникнуть. Никто не сомневается в художественно-воспитательной роли плаката, журнальной и книжной обложки. Но разве такую же точно, только в большей степени, роль не играет, напр., папиросная коробка? Или конфетная обертка? Или обертка для мыла, или поверхность других предметов массового потребления?

Я знаю, иные усмехнутся: папиросная коробка — в качестве средства для поднятия художественной культуры. Но повторяю: да, и папиросная коробка. Ведь именно здесь, в области массового потребления, и господствует ужаснейшая пошлость, загрязняющая и отравляющая массовые восприятия. А ведь эта пошлость играет идеологическую роль — она воспитывает вкус массы. Иной раз не можешь понять, чем объясняется успех отвратно-мещанских образов в живописи. Только вспомнив о конфетной обертке, начинаешь постигать, где корни массовой безвкусицы. Думаете ли вы, что в массах не происходит никакой „агитации“ за определенную „эстетику“?

На самом деле агитация идет, влияние безвкусицы внедряется, неискушенный глаз приучается к ужасающим зрительным впечатлениям, которые становятся привычными, делаются тем, что называют общим уровнем вкуса, вкусом большинства. Неискушенному зрителю нравятся рисунки, не слишком удаленные от его привычных представлений. Но привычные представления и лежат в основе „вкуса“.

Мы имеем, таким образом, огромную и девственную область, куда должно быть продвинуто настоящее искусство. Гравюра и графика имеют все данные, чтобы сделаться организаторами, агитаторами и пропагандистами подлинного демократического искусства. Текстильная промышленность, обойные фабрики, Наркомпочтель, Наркомфин, издательская промышленность, табачная, пищевкусовая и т. д. и т. д. — необозримые области, в какие должно устремиться искусство, чтобы вытеснить пошлятину, поднять художественный уровень, ликвидировать художественную безграмотность. Это можно проделать только в стране Советов, — только на почве завоеваний Октября, потому что ни один народ в мире не вступил в полосу культурной революции, т. е. такой, которая поставила своей задачей перевоспитать миллионные массы, поднять их к подлинному искусству и развить в них еще не окрепшие, но пробудившиеся творческие потенции. Октябрьская революция открыла невиданные возможности для расцвета наук и искусств. В деле же приобщения масс к искусству — искусствам графическим должно принадлежать первое место.

А много ли делается у нас в этой области?

IV

Не будем хвастать: маловато. Общие представления на этот счет еще настолько темны, что я не убежден, не вызывают ли недоуменное пожатие плеч даже среди самих „мастеров“ гравюры и графики мои слова о „папиросной коробке“, как одном из орудий культурно-художественного воспитания масс. В самой среде наших „мастеров“ существуют представления об искусстве, как о чем-то комнатном и музейном: оттого-то „улица“ и оказывается завоеванной эстетическими проходимцами, бездарностями и невеждами, которые „потрафляют“ невзыскательному обывателю и тем самым под-

---

держивают такой уровень „общественного“ вкуса, при котором подлинное и тонкое искусство должно лечь спать.

В области „массовой продукции“ искусство (я говорю о настоящем искусстве) не имеет почти что никакого применения. Наши художники не принимают участия в украшении массовых предметов быта, а именно здесь открываются широкие возможности граверам и графикам.

Но они не завоевали даже полиграфической промышленности. Они не занимают должного места даже в продукции наших издательств. Обложка, правда, завоевана. Это очень культурное достижение. Внешность нашей книги, ее „платье“ делается художниками. Можно спорить о достоинстве тех или иных мастеров, о большей или меньшей высоте достижений нашей книжной обложки, наконец, о „стиле“ ее, но самого факта ее завоевания мастерами графики и гравюры отрицать не приходится. Но обложка — всего лишь один из элементов книги. К тому же элемент, играющий служебную роль и погибающий в процессе книжного обращения. Следом за обложкой должна быть завоевана иллюстрация и поднято на бóльшую высоту вообще художественное оформление книги. В этой области делается до смешного мало. Достаточно указать, что замечательнейший гравер наших дней, Алексей Кравченко, вот уже много лет не может издать великолепных гравюр своих к Гофману: „Повелитель блох“. Эта серия гравюр, приводящая в восхищение необычайностью работы, тонкостью и остротой мастерства, являющаяся одним из высочайших достижений современной гравюры — эта серия таится в недрах одного из наших издательств. — Насколько нам известно, эти гравюры мастера, выросшего в революции, увидят свет в ближайшее время за границей. А будут ли они напечатаны „дома“ — неизвестно. Издательства, поглощенные узким меркантилизмом в погоне за „ходкой“ книжкой — не желают интересоваться ни книжными работами Алексея Кравченки, ни работами других граверов, которыми мы вправе гордиться. Можно было бы привести много примеров, каким малым вниманием наших издательств пользуется гравюра вообще. Необычайно расцветшая именно в годы революции, она должна бы, казалось, встретить сочувственное отношение. К сожалению, этого нет.

Граверы голодают — даже признанные мастера, а молодежь, имеющая призвание к этому искусству, забрасывает его и берется за работу, менее свойственную ее талантам.

Искусство гравюры — влачит жалкое существование, не имея возможности прорваться к потребителю, — правда, пока весьма ограниченному. И мы стоим перед опасностью постепенного замирания этого искусства, если политика наших издательств не придет ему на помощь.

Первая роль в этом деле принадлежит, разумеется, Государственному издательству. Покровительство графическим искусствам никогда не стояло перед Госиздатом как сознательно поставленная задача. Обзор художественных изданий Госиздата говорит об этом весьма убедительно. Мы не имеем еще иллюстрированной художественной книги. Исключение представляет детская книга: с радостью можно констатировать, что здесь у Госиздата имеются большие достижения. Культурная роль иллюстрированной книги в деле воспитания детского вкуса — несравненна. Но ведь не только воспитанием детского вкуса должен заняться Госиздат. А воспитание вкуса широких масс? А поднятие художественной культуры среди крестьянского, рабочего и вообще массового читателя? А поддержка высочайших и тончайших достижений искусства гравюры, как таковых, хотя бы эти достижения пока имели обращение только в узком кругу высококвалифицированного читателя? А покровительство искусству книги вообще, без успехов которого немислимы успехи книжной техники? Все эти задачи должны быть поставлены перед нашей издательской политикой. Не боясь впасть в преувеличение, я скажу, что именно в руках Госиздата — будущее искусства гравюры и графики в нашем Союзе. Если Госиздат не поможет этому искусству занять подобающую ему роль в полиграфической промышленности — никто ему не поможет.

Госиздат должен возродить художественную книгу. В наши дни возрождается интерес к классикам: мы будем в скором времени иметь дешевое издание классических произведений — необходимо эти народные издания выпустить иллюстрированными. Необходимо затем попытаться бросить в обращение гравюру, не связанную с книгой. Потребность в украшении жилищ очень велика — кому же неизвестно, что стены рабочих квартир, деревенские избы, избы-читальни украшаются портретами вождей, эпизодами революционного прошлого, очень плохо выполненными, наряду с безвкуснейшими и пошлейшими образцами старого лубка, олеографиями и выдранными из старых журналов картинками. Необходимо призвать искусство к созданию массовых произведений, потребность в которых несомненна. И здесь роль Госиздата — исключительна. Он должен вымести из страны анти-